

Андрей Белянин



Пастух медведей

СТИХИ

Андрей Олегович Белянин

Пастух медведей (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7422360

Пастух медведей: Стихотворения разных лет: Альфа-книга; Москва; 2010

ISBN 978-5-9922-0572-5

Аннотация

Эта книга стихотворений – еще одна яркая грань таланта известного писателя, мастера юмористической прозы Андрея Белянина. По признанию автора, стихи он пишет давно, в начале 90-х выпустил три поэтических сборника и пишет стихи по-прежнему, «стараясь тишком протолкнуть их в свои фантастические романы». Настоящее издание с рисунками самого Белянина – долгожданный подарок для поклонников творчества писателя.

Содержание

Набросок тушью (1990 г.)	6
Облака	6
Горизонт	7
«Как встреча коротка...»	8
Скоморох	9
«С какой-то суетою глобусной...»	10
«Ты – как древнерусская парсуна...»	11
«Красивых много... Даже слишком много...»	12
Воздушные замки	13
«Как маленький кусочек янтаря...»	14
Пьеро	15
«Не каприз и не притворство...»	16
Набросок тушью	17
«Приключений пьянящая брага...»	18
«Где искать тебя, амазонка?...»	19
Варвары	20
Князь скелот в плену	21
Святой Георгий	22
«Вражеский топор вбит в избы венец...»	23
Петр I в Астрахани	24
Денис Давыдов	26
«Кавалерист-девица? Как напыщенно...»	27
«Поручик Лермонтов. Полковая разведка...»	28
Связь времен	29
Врубель. Царевна-Лебедь	30
Пани Алина	32
Моим друзьям	33
Раздумье	34
Скрипка	35
Песня скрипки	36
«Мне говорят, что я тебя придумал...»	37
«День, где виденьем – встреча с тобою...»	38
«Может быть, слаб я?...»	39
Колыбельная	40
Ты прости...	41
Граница	42
«Пишу стихи...»	43
«Отзвенела снегами зима...»	44
Армейская муза	45
«Надо мной шумят дубы...»	46
«Наверное, вы правы...»	47
«Здравствуй! Я вернулся. Слов не нужно...»	48
«Пора уходить. Вот и всё. Увольнение в запас...»	49
Счастливый сон	50
Какие мы?	51
«Против меня – много...»	52

Диалог	53
«Зима... Опять зима: деревья, как игрушки...»	54
«Жду звонка. А вечер в тучах тонет...»	55
«Ты просила написать? Будь по-твоему...»	56
«Всё одной тебе...»	57
Из неопубликованного	58
«Вот выйду, взгляну на небушко...»	58
«На мостовой играют солнца блики...»	58
«Он странный был парень. Все...»	59
«Девушка из третьего купе...»	60
Встреча	60
«Я забываю имена...»	61
«Сколько весен прошло. Мне уже двадцать три...»	62
«Всё кувырком. Огонь и лед...»	62
Мария – Анна (1991 г.)	64
Вступление...	64
«Это было со мной, но в какое-то...»	65
Через тысячелетие	67
Скоморох	69
Рыцарь	70
Дон Жуан	71
«Дай руку, Сирано!...»	72
Гойя	73
Ахтырцы	74
Баллада о мундирах	75
«Врубель»	77
Памяти Николая Гумилева	78
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Андрей Белянин
Пастух медведей
стихотворения разных лет

© Белянин А. О., 2003

© Художественное оформление, «Издательство Альфа-книга», 2003

* * *

Набросок тушью (1990 г.)

Облака

Детство встало на розовом склоне
И рукой помахало: «Пока!»
Закружили мне голову кони
И облака...

Как румянец горели зарницы,
Падal теплый снег с потолка.
Закружили мне голову птицы
И облака...

А когда отступило ненастье
И судьба показалась легка,
Закружило мне голову счастье
И облака...

Но когда были загнаны кони,
Гнезда птиц посмывала река,
Таял снег на раскрытой ладони
И облака...

Но когда зло и боль постарались,
Счастье плакало издалека,
Все ушло... Под ногами остались
Лишь облака.

Горизонт

Византийских бровей полукружья
К переносью сошлись и – корят...
Мне страшнее любого оружия
Твой холодный, отточенный взгляд.
Разорву колдовское засилье!
Дым волос только трону рукой –
Рассыпается охристой пылью
Снов моих разудалый прибой...
Вот сейчас упаду на колени
И, целуя каблук сапожка,
Буду биться волной песнопений
О бетонную твердь потолка.
Вот – вскачу на лихого гнедого,
Покидая потерянный рай, –
Вместо самого высшего слова
Улыбнусь, не фальшивя: «Прощай!»
И не мальчиком робким, но – мужем
Вышибаю засов у ворот!
...Византийских бровей полукружья
Предо мною, как горизонт.

«Как встреча коротка...»

Как встреча коротка –
Все мысли кувырком:
Прносятся века
За окнами – молчком.
Сиреневая ночь...
И я иду, спеша,
По лезвию ножа...
По лезвию ножа.

Как бесконечен путь,
Как надоедлив дождь,
Как холод режет грудь
И выбивает дрожь.
И зелень фонарей
Качается, дрожа,
На лезвии ножа,
На лезвии ножа...

А ты – во тьму, ты – вдаль...
И я кричу: «Постой!»
Прозрачная печаль
Вдруг стала темнотой.
Окончена игра,
Но как скользит душа
По лезвию ножа,
По лезвию ножа.

Скоморох

По копеечной монете
Набросайте счастья мне:
Благо, что на этом свете
Скоморошество – в цене!
Сыплю шутки из кармана:
Не кричи, что горяча...
Сердце плачет от обмана,
Как от раны, по ночам.
Смех – гримасой вызываю...
Объясните: что со мной?
Почему я разрешаю
Ей смеяться над собой?
Всё твердит, что несерьезен,
Что нескладен, не пригож,
И не знатен, и не грозен –
Не престижен ни на грош...
До чего ж ей надо мало!
Смех рассыплю, как горох:
Смейся, старый! Смейся, малый!
Скоморох так скоморох...

«С какой-то суетою глобусной...»

С какой-то суетою глобусной
Секунды встреч текут в века:
Лежит на поручне автобусном
Её русалочья рука.
И пальцы ломкие касаются
Металла белого слегка...
Как это в память всё врезается,
Чтобы манить издалека.
Такой пустяк: рука на поручне
И смуглой кисти серебро.
Рукав – тяжелым, темным обручем,
И шубки меховой тавро...
За окнами снега цветистые,
А сзади храп и дрызг дверей...
Рука – прозрачная и чистая –
На поручне спешащих дней.

«Ты – как древнерусская парсуна...»

Ты – как древнерусская парсуна,
Так светла, наивна и чиста...
Но, отвергнув старого Перуна,
Не приемлю – нового Христа:
Был я сам, как прокопченный идол,
Рубленный тяжелым топором,
С деревянным и суровым видом
Смех и боль встречая напролом.
Только дней языческих течение
Ты замкнула... И в недобрый час
Я впервые принял всепрощенье,
Как религию далеких глаз,
И пошел к неведомому богу
Наугад, не ведая дорог.
Только левую подставить щеку
После битой правой – я не смог.
Обругав друг друга как попало,
Вдруг сцепились помыслы Христа
И богов языческих начало
В жизни той, что только начата.
Я не лезу в бой их правомерный –
Пусть рычат, катаясь по траве.
Для меня одной святою верой –
Те глаза, что тают в синеве.

«Красивых много... Даже слишком много...»

Красивых много... Даже слишком много.
Но сердцу мало просто красоты.
И юноши пускаются в дорогу,
С пустынными ветрами став на «ты».
И, значит, остается что-то кроме,
Как говорили предки: «Ясным днем
Невеста в дом вошла – светлее в доме.
Жена вошла – теплее стало в нём...»
А мы всё топчем пыль, сминая версты,
Рвем удила, меняем лошадей...
И с неба равнодушно смотрят звезды
На вечные метания людей.
Как хочется нам девственно-кристальных
Прелестниц, умниц, лапушек...
А что ж?
Хоть сами мы совсем не идеальны,
Но идеал нам вынь да и положи!
А те, чья внешность красками убога,
Кто в стороне от столбовых дорог?
Потупившись, вздыхаем у порога:
«Дай бог им счастья...» Но не щедр бог.
А мы опять в рассветной дымке таем,
Со старой скукой – в новые пути...
И снова ищем. Ищем – и теряем
Ту, что могли и не смогли найти.

Воздушные замки

Все воздушные замки мои
Взяты яростным приступом.
Тех, кто их защищал, повязали
И взяли в полон.
Небеса мои ясные
Стали вдруг дымными, мглистыми,
Всё вокруг – как несбывшийся
Сказочный сон.
Золотые мечты
Вокруг пальца умело обведены:
Мои крылья слежались
В один полосатый матрас...
Мои быстрые кони
Цыганами ловко уведены.
Мои песни застыли
Снежинками брошенных фраз.
Ты ушла...
Ты прошла, словно ливень.
Ты не возвращаешься!
Не кричу... Не зову...
Не кусаю в бессилии губ.
Перед смертью деревья
Печально и гордо качаются –
Зажимаю ладонью
Березовый, розовый сруб...
Ты – любовь, ты – мечта,
Ты – печаль,
Ты – виновница бед моя.
Но, тебя извиняя,
Себе ежечасно твержу:
Ты – как детство...
Ты – юность,
Ты песня – наивная, светлая...
А меня закрутило:
Я вновь от себя ухожу.
По горам, по лесам,
По просторам, глубинам
И отмелям –
От нелепой надежды:
Ушедшую радость вернуть...
Видно, вовремя замки мои
Разорили и отняли:
Впереди – горизонт
И свободу дарующий путь.

«Как маленький кусочек янтаря...»

Как маленький кусочек янтаря,
Держу твою ладонь в своей ладони.
А за окном вечерняя заря
И облака кудрявые, как кони.
А за окном такой далекий мир
Течет, переливается, струится
И, разноцветьем разливаясь вширь,
Вдруг преломляется в твоих ресницах.
И сам я отражаюсь в полный рост,
И чувствую себя сильнее и выше...
Так отраженный свет далеких звезд
Порой нам ближе, чем звезда над крышей.

Пьеро

Что загрустил, мой друг Пьеро?
Жизнь – не веселая игрушка.
В ней всё продумано хитро
От космоса до погремушки.
И твой наивный белый цвет
Не защитит на злой планете
От мелкой сети липких бед
И сочных пятен грязных сплетен.
Да и надежней, впрочем, жить,
Имея дом, жену, зарплату,
И мир тихонько подменить,
Себе поставив с краю хату.
У них покой, достаток, тишь,
И только ты – не «сам с усами»
И всё о девочке грустишь,
что с голубыми волосами.

«Не каприз и не притворство...»

Не каприз и не притворство –
Ты с названием не спеши,
В моей жизни каскадерство –
Как спасение души:
Повисаю на балконах,
Трюком в плотный узел свит,
Вылетев из рам оконных
Чьих-то мелочных обид.

Падаю с коней летящих,
Сбив запретные столбы,
Увернувшись от давящих,
Злых копыт моей судьбы.
Прыгаю с мостов железных
Трезвой памяти своей
И пытаюсь бесполезно
Боль забыть на пару дней.

И в любовь, как в дом, объятый
Самым яростным огнем,
Я вбегаю, если платой
Мне – мое сожжение в нём.
Не умею жить иначе,
Каскадер иль скоморох, –
Жаль, что для тебя я значу
Лишь души переполох.

Набросок тушью

По белой бумаге, глянец лощеной,
Вожу, как японец, кисточкой черной.
И вот проявляются черною тушью
Людские движенья, костюмы и – души.
Исправить нельзя: есть закон непреложный,
Что тушью набросок стереть невозможно,
Исправить нельзя и украсить в охоту:
Как сделал, так сделал – не переработать.
И движутся люди, под кисточкой тая,
Такие, как есть, а не так, как мечтают.
И черная тушь растекается смело
В сражении вечном меж черным и белым.

«Приключений пьянящая брага...»

Приключений пьянящая брага
Выводила меня за село.
Что такое – мужская отвага?
Что такое – шелом и седло?
Не удержишь в затворенной келье –
Мне туда, где за взмахом орла
Понеслась с соловьиною трелью
Из кленового лука стрела.
Мне туда, где звенит о шеломах
Быстрых сабель отточенный свет,
Где со смертью так близко знакомы,
Словно братствуют тысячи лет.
Где ветра на кургане забытом
Колыхнули соленый ковыль...
Мне туда, где звенит под копытом
Русских песен далекая быль.

«Где искать тебя, амазонка?..»

Ирине С.

Где искать тебя, амазонка?
Привстаю на стальных стременах:
За какой чертой горизонта
И в каких, скажи, временах?
Мир огромный тревожно замер...
Небо взглядом твоим манит.
Вижу след твой в рисунке амфор,
В барельефах афинских плит.
Мне уже ничего не странно...
А в сплетении зим и лет
От заросших степных истуканов
Для потомков один ответ:
«Наши боги суровей прочих...»
Жизнь не сказка, не сладкий сон...
И глядят в мою душу очи
Из горящих седых времен.
...Снова ветер бродячий стонет
На курганах к исходу дня.
И с девичьей серьгой в ладони
Выхожу я – седлать коня.

Варвары

«Вар-ва-ры!» – в хрип переходит крик,
Фыркает кровь из груди часового.
Всадник к растрепанной гриве приник,
Вслед ему – грохот тяжелого слова:
«Варвары!»... Вздогнул седой Ватикан,
Тяжесть мечей и задумчивых взглядов
Боли не знают, не чувствуют ран,
Не понимают, что значит: преграда.
Город ли, крепость, стена ли, скала,
Что бы ни стало – едино разрушат!
И византийских церквей купола
Молят спасти христианские души.
Но и сам бог что-то бледен с лица:
Страх – как комок обнажившихся нервов,
И под доспехами стынут сердца
Старых и опытных легионеров.
Мутное небо знаменья творит:
Тучи в движении пепельно-пенном.
«Варвары!» Посуху плыли ладьи
К окаменевшим от ужаса стенам.
...Быль или небыль о предках гласит –
Ждет лишь потомков пытливого взгляда,
Как Святослава порубанный щит
На неприступных вратах Цареграда.

Князь сколот в плену

Да, мы – россы или скифы,
Как бы ни назвали нас
Ваши греческие мифы,
Только лучше – без прикрас.
Да, мы знаем: ты – Двурогий,
Повергающий во прах,
И тебе победы боги
Напророчили в боях.
Не смотри, что я – в оковах,
Здесь, вокруг – моя земля.
Отвечай на княжье слово:
Задаю вопросы – я.
Отвечай мне, македонец,
Слышал ли когда-нибудь
Гулкий топот наших конниц,
Песнь стрелы, начавшей путь?
Эх, обидно, что ослаб я –
Бить плененного легко...
Вижу: вас вскормило бабье,
Нас – кобылье молоко.
Весть помчит на сауранах
И – попробуй догони!
Загорятся на курганах
Поминальные огни.
Застучат в степях секиры –
Копья вырастут, как лес.
С нами можно только миром,
Только миром, базилевс!
Шепот нарастал до крика,
Непреклонен и суров,
Но не понял царь великий
Половины грозных слов, –
Переводчики в испуге
Искажали смысл речей...
Тупо стискивали слуги
Ножны боевых мечей.
Но догадка опалила, –
Вздрогнул покоритель стран.
«Коль не гнется перед силой –
Смерть!» – промолвил Александр.
...Звезды тлели, сквозь туманы
Посылая робкий свет.
На сторожевых курганах
Вспыхнул скифских глаз ответ.

Святой Георгий

Копье в гортань – дракон прижат к земле,
Возрадуйтесь, зверье и человеки!
Георгий выпрямляется в седле
И верует, что зло сразил – навеки.
Путь к подвигу короче молодым –
У старости ни силы, ни резона.
Георгий – он, еще не став святым,
Карает зло в облинии дракона.
За веком век, среди других икон
Напоминает, что всемогущ разум.
Но притерпелся к боли и дракон –
Не дышит, но косит горящим глазом.
Зло терпеливо время ждет свое.
Дождется – беспощадными клыками
Враз переломит хрупкое копье,
Уже почти истлевшее с веками.
И – вырвется дракон!
И, ввысь скользя,
Поглотит всё живущее – навеки.
Заплачет небо, и сгорит Земля,
И хлынут вспять обугленные реки.
Планета – как один большой погост...
Как черный вздох Галактики пустынной:
Под мертвым светом равнодушных звезд
Лишь пустота и пепел молча стынут...
...В соборе ли, в церквушке средь села,
Ни времени, ни устали не меря,
Святой Георгий, не сходя с седла,
Сражается и верит, верит, верит!

«Вражеский топор вбит в избы венец...»

Вражеский топор вбит в избы венец...
А ты встань-повстань, старый мой отец!
И к плечу плечом, не ступить назад,
А ты встань-повстань, раненый мой брат!
Осветилась ночь, сея смерть вокруг...
А ты встань-повстань, мой упавший друг!
Над родным жнивьем бешеный огонь...
А ты встань-повстань, мой усталый конь!
Словно смертный вздох – черный дым столбом...
А ты встань-повстань, мой сгоревший дом!
Стук копыт да вой – копья до небес...
А ты встань-повстань, мой спаленный лес!
Мчатся тучи стрел, всё вокруг паля...
А ты встань-повстань, русская земля!
Ликом грозным встань солнца на восход –
А ты встань-восстань, вольный мой народ!

Петр I в Астрахани

Жарко!.. Пот со лба рукою
Надоело вытирать...
Боже! Небо здесь какое –
Царским взглядом не объять!
И Успенский ладным станом
Словно недругам грозит –
Право: лепотнее храма
Нет покуда на Руси.
Видно сразу: постарались...
А резьба-то как хитра!
И откуль такие взялись
Астраханцы-мастера?
Крепостица близко моря,
И надежа и оплот.
Здесь, на Волге, флоту воля...
Царь доволен: «Будет флот!»
...Тянут ванты, крепят реи,
Топоры стучат с утра:
Будет новый флот Рассеи –
Детище царя Петра.
И, притихшие спросонок,
В раззолоченной пыли,
Из осинового пеленок
Вырастают корабли.
Не видать работе края...
Царь, с устатку, на часок
Сел, с ботфортов отряхая
Волжский ласковый песок.
Отдыхая помаленьку,
Царь крутил свой сивый ус:
Вдруг впервые понял Стеньку –
Дикой воли смысл и вкус.
Что – держава? Оковали
Душу тысячи забот...
Все б отдал за эти дали!
А гримаса сводит рот:
– Все б отдал?
А власть кому же?
Что Россия – без царя?
Ей подпруги-то потуже,
Чай, затягивал не зря.
Это нынче – честь и слава,
Начинали – с топора...
Вот и здесь: тебе, держава,
Сладим флот – и в путь пора,

Чтоб ни с юга, ни с востока
Не грозил набегом тать, –
Нам опять в бою жестоком
Мир от недругов спасать...
...И когда под вечер, поздно
В небо вышло туч кольцо,
Петр яростно и грозно
Рассмеялся им в лицо!

Денис Давыдов

Ах, какие струны у гитары!
Ах, какая песня у костра!
И молчат ахтырские гусары,
На затылки сдвинув кивера.
Огрубели руки от поводьев,
Застудило рану на груди...
Только голос медленно выводит
Нежные слова: «О, пощади...»
Верится, что где-то терпеливо
Ждет нас чья-то нежная ладонь...
Ходят кони, встряхивая гривой,
И косят зрачками на огонь.
Обреченно догорают чурки,
Слушая гитарный перебор:
В нём смешался дивный звук мазурки
С звяканьем удил, клинков и шпор.
Замечтались звезды в небе синем,
Только почему-то не до сна.
...И Денис поет о Катерине
В предрассветный час Бородина.

«Кавалерист-девица? Как напыщенно...»

Н. Дуровой

«Кавалерист-девица? Как напыщенно...
Гусар-девчонка, проще говоря...»
Над горизонтом алой нитью вышита
Далекая вечерняя заря.
– Все это бред! Готов о том поспорить я.
А сказкам верит только лишь дурак...
– Mon cher, не забывайте об истории:
Ведь амазонки были, или – как?
– Ах, господа, причина спора стоит ли?
Все это просто глупый анекдот...
– Но женщины, при всех иных достоинствах,
Такой непредсказуемый народ...
– И все-таки поверить этим домysłам?
Ну как её средь наших молодцов
Не раскусили по походе, голосу,
По формам, mille pardon, в конце концов?
– А вы, корнет? Мы ждем и ваше мнение...
Ответ остер и ум не по годам!
– Вы правы: это недоразумение
Пленит воображение юных дам.
Ах, дамы!.. Но особо не раскрутишься...
– А помнишь ли красотку в том селе?
– Что? Александров? Очень милый юноша:
Гусар, храбрец, а как сидит в седле!
– С утра в поход – мы вновь отходим к северу,
А там, корнет, начнутся чудеса...
...Ты отвернулась, прислонилась к дереву:
Шумит костер, слипаются глаза.
Уже луна на небе тает медленно,
Но лишь под утро стихнет споров гул.
Ты так устала... Так устала, бедная!
– Что Александров?
– Кажется, уснул...

«Поручик Лермонтов. Полковая разведка...»

Поручик Лермонтов. Полковая разведка.
Внимательный взгляд чуть прищуренных глаз.
Чеченским выстрелом хрустнула ветка;
Холодные звезды, дорога, Кавказ.
Костры отдаленные, песни солдатские,
Разлитый в дурманящем воздухе мед...
Но вот кто-то новый, в мундирчике статского:
«Мне нужен Лермонтов. Пусть войдет.
Вы в красной рубашке? С распахнутой грудью?
Ужели смерти искали взгляд?
Ведь знали: конница и орудия
От пули в спину не защитят...
Поручик Лермонтов, толкуют разное.
За что вас все-таки? Прошу как друг...
Ах, горы любите? А не опасно ли?
Что?! Не опаснее, чем Петербург?!
Шутить изволите? Напрасно, душенька:
Гусаров-ухарей не долг век.
Не вы ль тот юноша... ну, что про Пушкина?
О... Вы отчаянный человек!
К тому ж поэт. Ну и пели б всласть себе
Про очи томные да нежность рук.
А то вдруг на тебе: конфликты с властью...
Vous comprenez moi, мой юный друг?
Вам, может, хочется – весь век в изгнании?
А чтоб покаяться – так недосуг?
Идите... душенька...»
В глухом молчании
Снял шапку белую седой Машук.

Связь времен

Из былей и легенд седого прошлого,
Средь старых стен и намогильных плит,
Где пену с губ роняющие лошади
В полете обгоняют стук копыт,
Где струги и ладьи, давно отплывшие,
И стук щитов, похожий на прибой...
Где падают друзья, за всё простившие
И в этот миг прощенные тобой.
... К нам прошлое идет само собою,
И мы вдыхаем, как горячий дым,
И простоту, и мужество мужское,
И всё, что вообще зовем мужским.
Вдыхаем аромат степей ковыльных,
Звон сабель, стрел смертельных суету,
Чтобы не впасть в беспмятство бессилья,
Вдыхаем Правду, Честь и Доброту.
Не очень это просто – стать мужчиной,
Но с прошлым нас навек связала нить,
Где предок мой стоит в ряду былинном,
На шаг не позволяя отступить.

Врубель. Царевна-Лебедь

Царевна-Лебедь...
Опускаю руки
И чувствую безумное желанье,
Как пред иконой, преклонить
Колени...
Мои мечты, души бурлящей муки
И сердца сбой, неровное дыханье
Сквозь образы бесовских
Наваждений,
Как облака, облитые закатом,
В волшебной раме
Камышей прибрежных
Как серебро,
Как молоко,
Как снег...
И хлам забот уносится куда-то:
Я вижу крыльев трепетную нежность
И этот взгляд
Из-под смущенных век.
Царевна-Лебедь, не молчи, молю!
Кто втиснул в кисти дивное искусство,
Заставив хаос
Красок бессловесных
Твердить:
– Люблю...
Люблю...
Люблю?!
До святости возвысив это чувство,
Что рухнуло лавиною отвесной,
Заставив обожженный горем разум
Из ничего на холст явить нам
Чудо!
В которое и сам не вправе верить:
То из былин или славянских сказок,
Из тьмы веков,
А может, ниоткуда?
И вдохновенье можно ли измерить?
...Мне кажется, ты дышишь.
И дыханье
Плывет печальной ласкою на плечи
Далекого и близкого сюжета,
Как первое любовное признание,
Что душу так томит
И сердце лечит.
Ты только не молчи...

Но нет ответа.
Царевна-Лебедь!

Пани Алина

Здравствуйте, пани Алина!
Не зажигайте свечи, –
Я из двадцатого века
И ненадолго к вам.
Знаете, я вас помню:
Вашу улыбку, плечи...
Вы так внимали дивно
Древним колоколам.
Плащ на вас был атласный,
И серебро браслетов
Схватывало запястье,
Словно оковы льда.
В ваших глазах играло
Золото прошлого лета,
А ведь меж нами были
Эры, века, года.
Слушайте, пани Алина!
Нет, не пугайтесь, что вы, –
К черту проклятия бога –
Я на решения скор:
Знаю, у вашей двери
Стражник стоит суровый.
Знаю: сегодня утром
Вас поведут на костер.
Знаю: престижу церкви
Выгодна гибель ваша.
И красота, наверное,
Страшное волшебство...
Я украду вас, пани!
Вызволю бесшабашно,
Хоть бы и против бога,
Но совершу воровство.
Вы не идете? Как же?
Глупый огонь встречая,
Дальше-то что, скажите:
В пепел, в ничто, в трубу?!
Как же вы, пани Алина?
Пани Алина, прощайте...
Я унесу вас силой,
Переломив судьбу!

Моим друзьям

В длительных поисках истины, веры и боли,
Кто-то верхом, кто-то просто с дорожной клюкой,
Мы уходили из дома по собственной воле:
Мы презирали уют и матрасный покой.
Под облаками мы рвали кольцо парашюта,
В юность входя под его белоснежным венцом,
Веруя в жизнь. Но порой выпадало кому-то
Вниз, в перехлестнутых стропах, в ромашки лицом...
Гнали коней мы, отчаянно-нетерпеливы,
Нас проносящих сквозь годы, сомненья и быт.
Если же кто-то не мог удержаться за гриву –
Как мы спешили спасти его из-под копыт.
Что мы узнали? Как пахнут сгоревшие травы,
Как останавливать кровь и стрелять на бегу,
Как нелегко быть всегда убедительно-правым,
Старых друзей оставляя на том берегу...
Но расправлялись нам вслед ковыли понемногу.
Память о доме, таясь, согревалась в груди.
Что мы успели? Найти горизонт и дорогу,
С вечною песней о той, что нас ждет впереди.

Раздумье

Который год никак не разберусь:
Кто я такой на жизненном пиру?
И почему всё время тороплюсь,
Как будто завтра я уже умру?
Я тороплюсь в случайном ритме встреч
Одуматься, опомниться, спасти
И друга от несчастья уберечь,
И чью-то пулю грудью отвести.
Спешу опять сказать, решить, допеть,
Разведать неизвестные пути...
Неужто так уж страшно – не успеть?
Неужто жизнь уже – не впереди?
И разве наши долгие года
Прносятся, как желтые листья?
А если с неба падает звезда,
То это только раз и – с высоты!

Скрипка

Знакомство, встреча и ошибка
Судьбы с судьбой...
И слышу я, как плачет скрипка
О нас с тобой.
Она давно меня простила
И верит мне,
Но ты устало прислонила
Ее к стене.
Ты смотришь в радостные лица –
Ты им верна,
А за меня могла вступиться
Она одна.
Всё, что металось и кипело
В душе моей,
Она сказать тебе хотела
Меня верней,
Не думая и не гадая –
Лишь бы успеть!
Прильни щекой и, не мешая,
Дай ей – допеть.

Песня скрипки

Песня скрипки. Свет свечи...
Почему я так беспечен?
Я же знал: не будет вечен
Миг декабрьской ночи.
Песня скрипки. Огонек...
Вальса тающие звуки.
И – протянутые руки
Через тысячу дорог.
Ни улыбки, ни словечка,
Ни признание, ни любовь...
Вечер наш сгорит, как свечка,
И не повторится вновь.
И, наверно, без меня
Ты смычок ласкаешь снова.
Я же жгу фитиль сурово,
Греясь у его огня.
Мне тепло, как от печи...
Дружба бьется, словно блюдце,
Но со мною остаются:
Песня скрипки. Свет свечи.

«Мне говорят, что я тебя придумал...»

Мне говорят, что я тебя придумал,
Что сочинил улыбку и глаза.
Что не взгляделся, трезво и угрюмо,
Не взвесил «против» и не взвесил «за».
Вообразил и доброту, и нежность,
И ласку рук, и трепетность ресниц,
И детских губ нетронутую свежесть,
И душу – без оков и без границ.
И невесомый от природы шаг,
И чистоту волос золототканых...
Пусть всё, в конце концов, совсем не так,
Но в хороводе образов неожиданных
Останься выдумкой, несбывшейся мечтой,
Полетом птицы, кликом лебединым.
Стань мореходной дальнею звездой,
Рожденной вдохновением единым.
Метелицей по улицам метя,
В сомнениях и головокружении,
Чтоб понял я, что видел не тебя,
А зеркала слепое отраженье.
И вот тогда, идя напропалую
И не решая: «Быть или не быть?» –
Дай силы мне узнать тебя – земную,
Увидеть, разглядеть и – полюбить.

«День, где виденьем – встреча с тобою...»

День, где виденьем – встреча с тобою.
Новое утро – как после боя.
Новое утро в старую смуту:
День, что был отдан за эту минуту!
Новый отдам, чтобы только увидеть,
Чтобы и взглядом тебя не обидеть,
Издали, робко, с сердцем застывшим, –
Только б минуту... Только б услышать
Голос негромкий, шаг невесомый,
Смех серебристый – слишком знакомый.
Только б минуту, только б мгновенье –
День отдаю лишь за взгляд на творенье
Жизни, которая мне подарила
Девушку, что ничего не простила.

«Может быть, слаб я?..»

Может быть, слаб я?
А может быть, трус?
Трудно в себе самому разобраться.
Был, и не раз,
В непростых ситуациях
И не боялся,
А тут вот – боюсь
Взглядом задеть
Или словом обидеть,
Жестом неловким спугнуть тебя:
Вдруг
Чудо закончится –
И не увидеть,
Как рассыпается
Сказочный круг.
Новая встреча...
О, как же ты близко!
Смотришь в глаза, словно в душу, –
Насквозь,
Я замираю на лезвии риска
И ничего не беру на «авось».
Эта открытость – без капли сомнений.
Вводишь в свой мир –
Замирает душа!
...Падают листья под ноги, шурша, –
Воспоминания светлых
Мгновений.

Колыбельная

Тополь, помолчи, – в густых потемках
Легкий сон слетает ей на очи, –
Пусть Алина спит, и сон ребенка
Не тревожат звуки синей ночи.
Золото волос... Подушки хлопок...
Лунный луч посеребрил ресницы...
И от Волги до таежных сопок
Пусть прохлада в эти сны струится...
Пусть она увидит под часами,
Как поется в рыцарских балладах,
Юношу с гусарскими усами,
Взгляд его, где горечь и бравада.
Пусть увидит, как своим капризом
Кружат сад в объятьях листопады...
Моцарта в мгновение импровиза,
Моцарта – еще до чаши с ядом!
Пусть услышит в сладком сне Алина
Музыку, что в сердце отозвалась,
Лета отзвук в песне лебединой
И зимы прощальную усталость...
Пусть ей снятся розовые кони
И полночных звезд высоких пенье...
...Спит Алина – под щекой ладони,
До рассвета – целое мгновение...

Ты прости...

Я спешил, я сбился с ног,
Я еще не знал, что поздно.
Я себе все руки сжег,
Доставая с неба звезды.
Торопился, неся вскачь
И не знал, что опоздаю...
Ты прости меня, не плачь, –
Сам себе я – не прощаю.
Повторилась сказка вновь,
Искаженная немного,
И Успех, Война, Любовь
Преграждали мне дорогу,
Славу пели соловьи...
Сквозь успех не смог прорваться,
И до солнечной любви
Мне не удалось добраться.
На гнедом своем коне
Я не минул доли строгой
И остался на войне:
Мне обратно нет дороги.
...Не грусти, из майских гроз
Радуга на землю станет.
Ты из всех упавших звезд
Сохрани одну на память...

Граница

Лишь у ранней зимы есть свое
Нераздельное право:
Погружать суету
В снеговое объятие сна.
Ждем рассвета.
Пока не проснулась застава –
Тишина...
Ах, какая вокруг тишина!
А на той стороне
Всё такие же горы и ели.
А на той стороне
Колыхнулся белесый туман.
Там, на той стороне,
Муэдзины тягуче запели,
И – не верь тишине:
Тишина – это тоже обман.
Мне потом, на гражданке,
Не раз еще, видно, приснится
И чужая,
И та, что сейчас за спиною, страна,
И рассвет,
И туман,
И негромкое слово «граница»,
Над которой пока тишина,
Тишина, тишина...

«Пишу стихи...»

Пишу стихи.
Мой строгий капитан,
Вы всё смеетесь? Я не ради славы.
Они – во мне... И с горем пополам
Учу заставы строгие уставы.
Стихи – на турнике и на «козле»...
Их тихий голос пробивает камень.
И на меня шатающей земле
Стихи растут, как мак весенний, сами.
Вокруг одна поэзия видна!
И я спешу, не выбирая броду,
Сорвать цветок!
Но рядом старшина:
– Кру-угом! В наряд!
Чтоб впредь ценил природу...
Наверное, дела мои плохи –
Здесь не ответишь:
– Я и сам – с усами...
А над заставой вновь летят стихи,
Родными окликая голосами.
Да и усов уже в помине нет –
Гусарская краса не по уставу.
Но красоты земной прекрасен свет,
И я писать стихи не перестану.
Быть может, я и впрямь не подхожу
К армейской службе –
Точной и суровой?
...Опять наряд уходит к рубежу –
Я на ходу низаю слово к слову.

«Отзвенела снегами зима...»

Отзвенела снегами зима,
Но жаре не хватает накала...
Друг влюбился и сходит с ума,
Словно прочих забот ему мало, –
Пишет письма... Строчит, торопясь,
Про тревоги, про ветры, про чувство,
И стихи мои шлет, вдохновясь,
За свое выдавая искусство.
Мне не жалко. И если она
Чуть теплей в твою сторону глянет, –
Буду рад: никакая стена
Между нами на этом не встанет.
А когда ты придешь в ее дом,
Став от счастья немножечко пьяным,
Посмеетесь вы вместе потом
Над бесхитростным этим обманом.
Но уж тут ты меня выручай:
О стихах не веди разговора.
Если ж спросит она невзначай
Обо мне и о той, о которой...
Вот тогда, всем печалям назло,
Ложь свою за улыбкою пряча,
Ей ответь: «И ему повезло:
Ждет и любит. А как же иначе?»

Армейская муза

Мы не привыкли пятиться –
Жизнь приказала: «В строй!»
И Муза в легком платьице
Отправилась за мной.
А командир, как в варево,
Меня в Устав, грозя:
– Здесь, мать вашу, армия!
Здесь с бабою нельзя!
Ну что ж мне – лечь и помереть?
Не выставишь за дверь –
Совсем-совсем ребенок ведь,
Куда ее теперь?
Вон, сквозь ресницы мокрые –
Обида в ручейках:
Начальство, шулки клеклые –
Аж пятна на щеках...
И все-таки она поет!
А мне – так хоть кричи,
Ведь ножку дивную ее
Не сунешь в кирзачи.
Укрыл шинелью, как могу,
На кулаки не слаб,
Ее, как душу, берегу
От всяких грязных лап.
Ее в тревоги не бужу –
Еще далек рассвет,
Приеду – сам порасскажу,
Что было, а что нет.
Когда ж мне горек быта дым
И тяжело буйство чувств,
И белым крылышком своим
На сердце ляжет грусть, –
Присядет рядышком она,
Смешав и явь, и сон:
Из-под шинельного сукна
Знакомой лиры звон...

«Надо мной шумят дубы...»

Надо мной шумят дубы,
Мирно кроны их качаются.
...Полосатые столбы
На границе не кончаются.
Очень многое деля,
Эта грань проходит резкая.
...За моей спиной земля,
Наша и моя – советская.
Ну а служба – не кино:
Не рассчитана на серии.
Нужно, в общем-то, одно:
Чтобы ждали, чтобы верили.
Остальное, что – в судьбу,
Мы осилим – мы настырные.
...К полосатому столбу
Тишина прижалась мирная.

«Наверное, вы правы...»

Наверное, вы правы...
Правы...
Вроде бы...
И в теме я забуксовал,
Как в тине:
Конечно, надо бы писать
О Родине,
А я всё почему-то –
Об Алине...
И нужно бы о доме,
Понимаю...
О городе,
Где небеса так сини:
Об Астрахани,
О родимом крае,
А я всё почему-то –
Об Алине.
Служу, как говорят,
Других не хуже:
Наивности ребячьей
Нет в помине, –
Здесь чувство Родины
В душе сильнее и глубже,
И лишь стихи упорно –
Об Алине.
Что ж, кто-то видит Родину
Землею,
Что вспахана
Стараньями отца.
Березкою... Небесной синевою...
И матерью,
Стоящей у крыльца.
И надо бы – о журавлином клине,
И надо бы – о шелесте травы...
А я всё почему-то –
Об Алине...
Хотя, конечно, в целом
Правы вы.

«Здравствуй! Я вернулся. Слов не нужно...»

Здравствуй! Я вернулся. Слов не нужно,
Старый друг и так тебя поймет.
Просто я уже закончил службу,
Все два года, даже с лишним, вот...
Просто захотелось вновь увидеть,
Посмотреть, ну как ты тут? И что?..
Я? Да нет, я в общем не в обиде,
Жизнь есть жизнь: сплошное «Спортлото».
Повезло ему? Что ж, время лечит:
Мы так долго были далеки...
И дарить цветы, придя под вечер,
Мне, понятно, было не с руки.
Вам, конечно, было по дороге,
Всё имело смысл: слова и взгляд...
А моя застава по тревоге
Вывозила на рубеж ребят.
Вы так рано в жизни не вставали,
Вы не знали соль и пот дорог.
Это ж мы за вас недосыпали,
Хоть, понятно, это не в упрек.
Главное, чтоб ты была счастливой,
Чтоб имела дом, семью, детей...
А меня застава научила
Не жалеть себя – спасибо ей.
Вот, пожалуй, всё... Сказал довольно.
Улыбнись! Тебе нейдет печаль.
И – прощай... Ведь мне почти не больно.
Что же делать: это так... А жаль!

«Пора уходить. Вот и всё. Увольнение в запас...»

Пора уходить. Вот и всё. Увольнение в запас.
Начальник нам руки пожмет, проводив до порога.
Ребята толпою толкнут торопящийся «ГАЗ» –
Улыбки на лицах... И все-таки грустно немного.
Ну, дальше всё ясно: дорога, родители, дом.
Там ждали и ждут, там ладонями сердце согреют.
А что позади? Только память, фуражка, альбом
И что-то еще, что я даже назвать не сумею.
Останутся фото, а также еще адреса
И вера, что всё же разлука не долго продлится...
На плоской кассете – живые друзей голоса,
В три легких аккорда чуть хриплые песни границы...
Ночные тревоги, прожектор, дозор, маскхалат...
И я буду долго валяться без сна до рассвета,
Увидев случайно, как мой еще маленький брат
Тайком примеряет фуражку зеленого цвета...

Счастливым сон

Снится мне порою,
Как когда-то,
Астраханским воздухом
Дыша,
Яростное золото заката
Заливало город, не спеша.
Золотило крыши,
Башни, шпили,
Тополей янтарный окоем,
Облака над горизонтом
Плыли,
Золотым украшены шитьем.
А закат,
Всё ярче разгораясь,
Разливался,
Ширился
И – рос!
И горели руки,
Прикасаясь
К чуду золотых твоих
Волос...
Заходило солнце,
Алым светом
Из последних напрягаясь сил.
Пять мгновений
Я во власти лета
На руках судьбу свою носил.
И искать не нужно
Виноватых,
Что тебе, в счастливое число,
Обручальным золотом заката
Безымянный палец обвело...

Какие мы?

Под голоса сказаний и баллад
Ковалась наша юность, наша честь.
И каждый был готов, и каждый рад
Изведать жизнь – такой, какая есть!
А жизнь бежала рядом – только тронь,
Следили мы за нею, сдвинув бровь...
Но Окуджавы сдержанный огонь
Вливался в жилы, разжигая кровь.
И подступало с четырех сторон
Предчувствие событий и судьбы, –
Высоцкого хрипящий баритон
Нам души обжигал в огне борьбы.
Пусть говорил известный ветеран,
Что поколение наше – «не ахти»...
Но наши парни шли в Афганистан
И знали, что домой не всем прийти.
И наших песен яростный рассвет
Ворвался в мир без лжи и без прикрас.
И на заставах парни наших лет
В наряд ходили, как в последний раз.
По строкам молодых и древних рун
Мы набираем нашу высоту.
Я славлю поколение тех, кто юн –
Их веру, их надежду, их мечту!
И, уходя из жизни насовсем,
Мы обойдемся без избитых фраз
И лишь в глаза открыто глянем тем,
Кто мир на плечи примет после нас.

«Против меня – много...»

Против меня – много,
Рядышком – никого...
Ночь уставилась строго:
Трое – на одного.
Трое, как на параде...
Что ж, перейдем на «ты».
Первый обходит сзади,
Внюхиваясь в следы.
Тот, что второй, – он скромн.
Что ж, и таких берут –
Будут стоять на стрёме,
Ну, а при случае – пнут.
Третий... Ну, тот машина!
Встал на дороге – стоп!
Этого можно сдвинуть
Только снарядам в лоб...
Где ж ты, бывшая завязь
Дружеских теплых рук?
Зло. Равнодушие. Зависть.
Вот и замкнулся круг.
Может, я что не понял, –
Было не до того.
Но эту ночь запомнил:
Трое – на одного.

Диалог

– Уйди.
– Уйду... но все к твоим ногам –
Всё, от полночных звезд до славы липкой,
Всё, что в душе и что в руках, – отдам,
И ничего – взамен. Даже улыбки.
Всю душу выгребу – нигде ни закутка,
Чтоб затаиться чувству или слову,
Чтоб не была протянутой рука,
В которую ты вложишь камень снов.
Чтоб мысли вновь – прозрачны и легки,
И чтоб всегда – прекрасная погода.
Чтоб знанья жизни не были горьки
И сердце вдруг не спотыкалось с ходу...
– А что ж тебе?
– А мне – горячий чай,
Чтоб от тоски в душе не захлебнуться.
Чтобы тебя не встретить невзначай,
А встретив вдруг – спокойно отвернуться.
Чтоб жить – ни на ноже, ни по ножу,
Чтоб – нелюбим, так уж хотя бы понят...
– Уйди!
– Уже полжизни ухожу,
Но в спину снова гонят, гонят, гонят!
И глуше шаг, и в жилах вязнет кровь,
И незачем во всём искать основу, –
Уж если это мы зовем «любовь»,
Зачем нам «жизнь» и «смерть» –
Два лишних слова?

«Зима... Опять зима: деревья, как игрушки...»

Зима... Опять зима: деревья, как игрушки,
И самый чистый снег ложится в грязь дорог.
А у виска свистит шальным ядром из пушки
Случайно кем-то брошенный снежок.
Вон, девушка прошла и улыбнулась будто,
Но я прибавил шаг: торопят сотни дел.
А вдруг это судьба вот этим самым утром
Мне улыбнулась вслед, а я не разглядел?
К героям прошлых лет не стоит и тянуться.
На душах ставим крест и надпись «гололёд»...
Я сам не соглашусь вот, прям сейчас, рехнуться,
Копьё наперевес, меч в зубы и вперёд!
Как много в мире зла, как мало Ланцелотов...
Как много пышных фраз, как мало просто слов.
И острый дефицит бродячих сумасбродов,
И не хватает струн, и песен, и стихов.
А может, всё не так? Ведь сердце бьется вроде.
А может быть, сейчас, не глядя, в сей момент –
Ту девушку догнать, спросить хоть о погоде
И отпустить один старинный комплимент?
Я с места взял в карьер, причем, довольно лихо.
Надежды никакой, но все-таки успел!
Взглянула, не дыша, потом назвала психом
И улыбнулась так, что я чуть не запел.
...Зима, опять зима. А печь трещит о лете.
Безверье и тоска уносятся в трубу.
И коль в твоей душе хоть искорка, да светит,
Надвинь на брови шлем и – встретить свою судьбу!

«Жду звонка. А вечер в тучах тонет...»

Жду звонка. А вечер в тучах тонет...
Жду звонка. А телефон молчит.
Кресло подо мной скрипит и стонет,
Предъявляя перечень обид.
Вновь вздохнет басовою струною
Белая гитара у стены...
Уведет старинной ворожбою
Гумилев в загадочные сны.
Мир волшебный, трепетный и робкий
Тайной слов чарует и манит...
Я же расшибу эту коробку,
Если вот сейчас не зазвонит!

Как дурак, сижу весь вечер дома:
Тишина – как будто бы назло.
«Позвоню...» О боже, как знакомо!
Аж от скуки скулы повело...
Обещала в шесть, а скоро десять.
К черту и угрозы и нытье!
Но терпенья чашу перевесит,
Если... Зазвонило! Да?... Алё?!
Да, квартира... Да... А что за дело?
Маму? Да, пожалуйста. Прошу-с...

Всё. Довольно. Хватит, надоело:
Я устал, я просто спать ложусь.
...От трезвона трубка как подскочит!
Я спрононок хриплый и – суров:
– Ты сума сошла? Двенадцать ночи!
Спать пора, какая там любовь...
Бросила... Ну всё... пошла топиться?!
Впрямь дурак – ничто не излечит...
Завтра извинюсь... Сейчас не спится?
Нету сна... И телефон молчит.

«Ты просила написать? Будь по-твоему...»

Ты просила написать? Будь по-твоему.
Окунемся, так сказать, в дебри прошлого.
Вот и память брызжет болью утроенной,
И плохое помнит всё, и хорошее.
Понимаешь, ты такая красивая,
Нет семнадцати и жизнь беззаботная.
А моя душа – не небушко синее,
Хоть, конечно, и не тина болотная.
Понимаешь, просто сердце – как выжжено
Ожиданьями, молчаньем, разлуками.
В клетке ребер бьется горько-униженно,
А лечу его я сказками глупыми.
Было время – сам глядел ясным соколом,
Сам судьбу ковал и мог – невозможное.
Только встретилась одна, невысокая,
Сразу стал ручным и стреноженным.
Было время, вешний град в спину выстрелил,
И последние снега птицы выпили...
Душу под ноги ковром ей так и выстелил, –
Вот об этот-то ковер их и вытерли.
Даже обуви не сняв: эка невидаль!
Эх, дурная голова, масть бубновая...
Старых песен голоса тают медленно,
А смогу ль назвать тебя песней новою?
Целоваться-то и то – не обучена...
А играть с тобой себе не позволю я.
Что же сердце так и точит, и мучает?
Или жаль чего, иль так – меланхолия?
Нелегко на свете жить, как распятому...
Впрочем, кажется, привык и не жалуюсь.
Но – со мной иль не со мной – дело пятое,
Будь счастливой...
Будь счастливой! Пожалуйста...

«Всё одной тебе...»

Всё одной тебе –
Весь свой мир отдам:
Пусть во сне – да твой,
Не ничей...
Облака смешав,
Я воздвигну храм
В позолоте степных лучей.
Всё везде успев,
Всё и вся любя –
До шальной волны краток срок, –
Из песка дворец
Вылью для тебя,
Ах, какой на Волге песок!
И на дне морском
Звезды все собрав,
И на небе – мне хватит сил, –
Всё к твоим ногам...
А уж прав – не прав? –
Весь вопрос лишь в том:
Мил – не мил?
Только я его не задам тебе,
Может, кто другой и спросил...
Ну, а мне бы знать,
Что в твоей судьбе –
Был ли я вообще?
Я ли был?..

Из неопубликованного

«Вот выйду, взгляну на небушко...»

Вот выйду, взгляну на небушко,
А сердце в печали екает.
Ведь где-то ждет меня девушка
Прекрасная, но далекая.
Там в дымке у моря синего,
А в ясный день бирюзового,
Закаты плывут красивые.
Но вырвусь туда ли снова я?
Там ходят гнедые лошади,
И птицы поют возвышенно.
Там тают в платанах площади,
И спят облака над крышами;
Там горы стоят косматые
В уборе деревьев смешавшихся.
Там парни под маскхалатами
Хранят любовь к недождавшимся.
Подъемы в ружье привычные,
Но потом удача мерится.
И в полосу приграничную
Всерьез-то не сразу верится.
Вернуться туда б... Да где уж там...
Повязан делами, строками.
А где-то ждет меня девушка
Прекрасная, но далекая...

«На мостовой играют солнца блики...»

На мостовой играют солнца блики,
А на душе снега метет зима.
Цветы разлуки – желтые гвоздики
Несу тебе и не схожу с ума.

Как это странно, глупо и нелепо
И, главное, не надо даже слов.
Несу букет, слепой, безумный слепок
Твоих любимых бархатных цветов.

Зачем гадать, что будет, что не будет, –
На сто вопросов лишь один ответ.
И мне сейчас совсем чужие люди

С неясной грустью молча смотрят вслед.

В твоих глазах ни радости, ни муки,
И я не понял, ты или не ты:
Взгляд был спокоен, но дрожали руки,
Когда ты в вазу ставила цветы...

Расстались, как и не были знакомы –
Двух гордых душ могучая стена.
Приехал ночью, глянул, а над домом
Цветком разлуки – желтая луна.

Но тишина внезапно раскололась,
И я не верил слуху своему,
Услышав в трубке твой далекий голос:
«Ты напиши. Я всё теперь пойму...»

«Он странный был парень. Все...»

Он странный был парень. Все
Порой совершал грехи.
Другим дарил поцелуи,
А ей посвящал стихи.

В каком-то хмельном угаре,
Опять-таки не как все,
Другим играл на гитаре,
А ей заводил Бизе.

Познав мастерства секреты,
Игривым резцом Буше
Другим рисовал портреты,
Её же ваял в душе.

И был он на самом деле,
И совесть храня и честь,
С другими – каким хотели,
Лишь с нею таким, как есть.

Ее воспевал он имя,
Молился ее глазам.
Других принимал земными,
Ее вознес к небесам.

А ей так хотелось ласки,
Огня, поцелуев, слов.
Но он, как в старинной сказке,

Любил лишь свою любовь...

«Девушка из третьего купе...»

Девушка из третьего купе –
Чудо с бирюзовыми глазами.
Как герой великого Распэ,
Я играю жизнью и стихами...
Низведу запретное табу,
Упиваясь радостью открытий.
Сам себе придумаю судьбу,
Сам себе направлю рок событий.
Оседлаю черного коня
В стиле паладинов и эмиров,
Вознесу на кончике копья
Званье королевы всех турниров.
Положу венец у ваших ног
И, звеня изрубленной кольчугой,
Навсегда исчезну в ритме строк
Менестрелей с пламенного Юга.
Всё вернется – хлеб и молоко,
Жизнь сольется в годы и мгновенья...
Рыцари уходят так легко
В даль, в небытие и в сновиденья...
Стук колес иллюзию создаст,
А быть может, просто не заметит
Отраженье бирюзовых глаз...
Стук копыт на стыке трех столетий...

Встреча

Тебе казалось: это очень просто –
Как жемчуг, обронить десяток слов...
А знаешь, ведь Земля всего лишь остров
Средь тысячи вселенных и миров.
И мы на ней лишь гости – на мгновенье
Пришедшие в движение планет
По высшему чьему-то вдохновенью
Лишь только раз, чтобы увидеть свет...
Не чудо ли, что в этой яркой вспышке
Столкнуло нас в горниле звезд и чувств,
Не где-то, не шутя, не понаслышке –
Глаза в глаза, смешав дыханье уст?
Мы встретились... И не сказав: «спасибо»
Судьбе, укрывшей нас, как двух котят,

Слепых и глухих, от бетонной глыбы,
Которую, разлукой окрестят
Другие люди. Те, что будут следом,
Что разберут сюжет, характер, жанр:
Что было с этим раненым поэтом
И с девочкой, направившей удар?
Они поймут, что было между нами.
Оценят вес поступков и обид.
Напишут трехметровыми словами,
Что золото не всё, мол, что блесстит.
...А мы, на них взглянув, как в кинозале,
Из тьмы своих ухоженных могил,
Вдруг вспомним просто вечер на вокзале –
Один лишь вечер... Пусть один – но был!
И было – всё... И не хотела стрелка
Часов вокзальных двигаться вперед.
Всё, что потом, – так пусто и так мелко...
Всё, что потом, – отчаянье и лед!
До этих строк потомкам что за дело?
И у свечи так робок огонек...
Любовь была. Но ты не разглядела.
Я не судья.
Прости, что не сберег...

«Я забываю имена...»

Я забываю имена.
Спросонья или сполупьяна
Басовым звуком фортепьяно
Встает забвения стена.

Я забываю голоса,
И даже старых песен звуки
В мои протянутые руки
Ложатся лишь на полчаса.

Я забываю адреса...
И те, кто где-то ждут упрямо
Письма иль строчки телеграммы,
Уже не верят в чудеса.

Я забываю, как в бреду,
Победы, поражения, войны.
Так тише и куда спокойней,
И, в общем, знал, куда иду.

Душе теперь не привыкать,

Плащом забвенья укрывая,
Страницы памяти листая,
Их беспощадно вырывать.

Но тянет, что там ни пророчь,
За бешенством ветров-скитальцев,
Разбить стекло, изрезав пальцы,
И чье-то имя крикнуть в ночь...

«Сколько весен прошло. Мне уже двадцать три...»

Сколько весен прошло. Мне уже двадцать три.
Сплавы верности, клятвы и непостоянства.
Я, конечно, не стар, просто где-то внутри
Зреют мысли о вечности и о пространстве...
Сколько силы в руках, сколько можно успеть
До прощального текста на траурном канте.
Я не скоро умру и надеюсь, что смерть
В чем-то тоже, как жизнь по теории Данте.
Эта вечная жизнь, просто в мире ином,
Что при жителях стольких однако, не тесен...
Если буду в аду, то на круге втором –
За безумство любви и за яростность песен.
Если рай, что ж, и там можно, видимо, жить.
Там культурные люди и общество мило.
Я, конечно, найду, что читать, с кем дружить...
Только вечный покой скоро станет постылым.
Что мне там без тебя? Ты пойми и прости.
Это время слепое стучится и стонет.
Просто душу мою ты в ладони впусти –
Пусть мой Ад или Рай будет в этих ладонях...

«Всё кувырком. Огонь и лед...»

Всё кувырком. Огонь и лед.
И целомудрия грехи.
И я полночи напролет
Читал стихи, читал стихи.
Плескались звуки в темноте,
И в ритме строк звучал апрель.
А там, в безбрежной высоте,
Звенела звездная капель.
В ладони теплый шелк волос,
Так безмятежно золотых...
И мучил маленький вопрос:

Что это – песня или стих?
А может, – сон, а может, – бред?
Цветной цветаевский романс?
Так близко между «да» и «нет»
Мы этой ночью первый раз.
Да что мы знаем о любви?
Весь опыт прошлого не в счет.
Как далеки глаза твои...
Как близко смуглое плечо!
Хранила сон моя рука,
А разум в облаках витал,
Но почему-то я пока
Счастливых строк не написал.
И мысль о счастье в этот час
Не приходила, хоть убей.
И даже пару легких фраз
Не мог связать я в голове.
«Любовь – творец!» А что творит
Твое дыханье в этот миг?
И, словно серебро, горит
На медной коже лунный блик.
Я знаю – всё умчится прочь
В рассвета алые штрихи.
А в сердце – боль, любовь и ночь,
И напролет стихи, стихи...

Мария – Анна (1991 г.)

Вступление...

Замшелые камни когда-то известных могил
Откроют все тайны умеющим слушать и ждать,
О тех, кто когда-то боролся, страдал и любил,
И, видимо, тоже совсем не хотел умирать.
Послушайте голос полыни на горькой земле, –
Для памяти – годы, для времени – крошечный миг.
Одни умирали, как жили, – с улыбкой, в седле,
Другие в постели, среди лицемерных родных.
Как время стирает деяния и города,
И те имена, где смешались и небыль, и быль...
Но если о первых хоть песня звучит иногда,
То что от вторых нам осталось? Лишь серая пыль...

«Это было со мной, но в какое-то...»

Это было со мной, но в какое-то
Давнее время,
О котором забыл или вспомнить
Еще не успел.
Мне тогда не казалось звенящим
Горячее стремя,
Я не слышал поэзии
В жалящем шелесте стрел.
Мне казалось, что меч –
Это просто оружие боя.
Я любил свой клинок,
Но без ложного пафоса слов.
И в понятии: «смерть»
Мне не чудилось что-то такое...
Умирать, чтобы жить –
Вот простая основа основ.
Как мы верили в жизнь!
Но никто не боялся и смерти.
Все боялись лишь мора
И гнева суровых богов.
Над огнем и в огне
Нас ворочал чудовищный вертел,
И судьба нам являлась
В смятении пророческих снов.
Горький дым пепелищ
И горящие гневом погони,
И ночные бои
Средь огня половецких костров...
Были кони у нас –
Ах, какие у нас были кони!
Я сейчас, как тогда,
Целовать их копыта готов.
И друзья на руках умирали,
Успев улыбнуться,
И бессильные слезы текли
По небритым щекам...
Я безумно хочу
В это давнее время вернуться
И пройти по своим,
Может быть, неостывшим следам.
Звездный полог принять
Вместо быта в оклеенных стенах,
Вольной жизни вдохнуть
Вместо лозунгов, правил и слов...
Это время мое

Горькой памятью пенится в венах
И зовет за собой
Древней песней славянских богов.

Через тысячелетие Диптих

Начало тысячелетия

Ты не просишь пощады? Гордый...
Ночь всю степь синевой укрыла.
Зарастают травой сорной
Даже самых отважных могилы.

Ты над смертью в глаза смеялся,
Но сегодня над ней не волен.
Почему ты не защищался –
Даже руки связать позволил?

Что молчишь? Иль на сердце пусто?
Иль не сбылись гаданья снов всех?
Но, хоть ты не похож на труса,
Нас щадить не учили вовсе.

И заря для тебя не встанет,
Мне лишь стоит нахмурить брови.
Слышишь, стрелы в моем колчане
Взвыли, запах почуяв крови!

Почему ты так странно смотришь?
На лице твоём шрамов просечь...
Гнев богов – он всегда наотмашь...
Ну скажи же хоть слово, росич!

Пусть в огне не бывает брода,
Стоит жить ли болотной слизью?!
Знай, жестоки законы рода:
Непокорные платят жизнью.

Уходи! Я разрежу путы.
Видишь, воздух напоен смертью...
Уходи! Непонятный... Любый...
В край, где ждет тебя чье-то сердце.

А чтоб встретиться вновь друг с другом,
Путь наш долог, как бесконечность...
На мгновенье лишь, дай мне руку –
Между мной и тобою – вечность!

В конце тысячелетия

Было время, и каждый третий
Погибал тогда на коне...
Я листаю пласты столетий
И они давят горло мне:

Были росичи и хазары,
Киев, Полоцк, Рязань, Кижы...
Были сабельные удары,
Грубо кованые ножи.

Но когда-то спаленный колос
Прорастал сквозь золу и прах.
И далекий девичий голос
Неустанно стучит в висках!

Где ни попадя гнев срываю
От отчаянья – не со зла.
Может, что и не понимаю,
Но была ведь, была... Была!

Как в предверьи забытой тайны,
От волнения не дыша,
Память, словно резцом хрустальным,
Чертит профиль её, спеша.

И несется гнедая лошадь,
Презирая ветров оскал...
«Гнев богов – он всегда наотмашь»! –
Кто, когда мне это сказал?

Голос – свистом ногайской плети:
«Уходи!» – а в глазах мольба...
Лишь на миг в суете столетий
Нас столкнула, шутя, судьба.
Эта песня во мне не стынет...
От беды своей горд и груб,
Я вдыхаю дурман полыни,
Словно запах знакомых губ...

Скоморох

«Ты хочешь жить?
Послушай, скоморох,
Я нынче добр, – скажи Христу спасибо.
Для воров и убийц у нас острог,
Для вашей братии одна петля да дыба.

Чего ж молчишь? Чего отводишь взгляд?
А что ты нёс тогда при всем народе?
Так, что валился с хохота посад,
И третью ночь не спится воеводе?

Ну, повтори, что говорил при всех?
Под пыткой говорить совсем несложно...
Что ты сказал? Ах, ты!.. Откуда смех?
Что? Стражники смеются? Ах, безбожник?

Углей сюда! Ну, я те посмеюсь!
Как милости, крича, запросишь смерти...
Подать щипцы! А... вострепнулся, гусь?
Что ты сказал? Опять заржали, черти?!

Всем замолчать! Иуды! Запорю!!!
Любого – кто хоть только улыбнется!
В тиски его! К огню его! К огню!!!
Смеется? Он смеется... Он – смеется!»

...И возносился стон до небеси,
И чьи-то раны засыпались солью,
И скомороший смех по всей Руси
Звенел и струнной, и кандалной болью.

Но как бы там ни зажимали рот,
А смех был независим, словно солнце.
И знать со страхом слушала народ, –
Смеется ли? Смеется! Он – смеется!!!

Рыцарь ***Шотландская баллада***

Я вновь склонён у твоих колен –
Я только сейчас с коня.
Не страшен был сарацинский плен...
Но как ты ждала меня?
В крови мой плащ и зазубрен меч,
Пробита моя броня.
В конце концов не об этом речь...
Но как ты ждала меня?
Пока я бился в чужих краях,
Не зная ночи и дня,
За гроб Господень, за чистый прах...
Но как ты ждала меня?
Шаги за дверью – измена в дом
Страшней степного огня.
И месяц узким сверкнул клинком...
Но как ты ждала меня?
Из крепкого бука шотландских рощ
Поднятая мной скамья.
А в спину всажен толедский нож...
Но как ты ждала меня?
Два шага... Только бы не упасть
На грани добра и зла.
В последнем вздохе упрек и страсть:
– Но как ты ждала...

Дон Жуан

О нашей беседе
Зевакам узнать не дано...
Помилуйте, леди! –
Жалеть о прошедшем смешно...
Наивно немножко,
Но чувства кружили, как хмель.
Рукой из окошка
Махните мне, мадмуазель...
А ревность и ссоры –
Приправы к любви в самый раз:
Ну что вы, сеньора? –
Я думаю только о вас!
Коль вы не простите –
Я просто возьму и умру!
Но, пани, продлите
Один поцелуй на ветру!
Пусть там, на погосте,
Когда-нибудь мы отдохнём –
Ах, барышня, бросьте:
Никто не увидит, идем!
В любовном тумане
Раскаянье позднее – вздор!
И медленно тянет
Десницу свою Командор...

«Дай руку, Сирано!..»

Дай руку, Сирано!
Безумное желанье...
Анжуйское вино
Прокисло в ожиданьи.

Какой сегодня день? –
Он так наивно светел!
А за спиной, как тень,
Шлейф зависти и сплетен.

К историкам седым
Ворвется в кабинеты
Карманной славы дым
Бретёра и поэта.

И снова – против всех!
Единая отрада –
Разящий, горький смех
На кончике эспады.

И лишь на полчаса
Так нежно осиянны
Далекие глаза
Мечтательной Роксаны...

Ход времени суров,
Но в памяти осталась
Лишь шпага да любовь, –
Такая, впрочем, малость...

И истинный мотив
Трагедии старинной
Не в том, что – некрасив,
А в том, что – нелюбимый.

Но, что ни говори,
А бешенство металла
И таинство любви –
Уж так ли это мало?..

Гойя

– Как жизнь, маэстро?
Не вставайте, что вы, –
Я здесь случайно, так:
Пришел – ушел...
А что, офорты ваши не готовы?
Мне лишь взглянуть, позвольте,
Хорошо?
А эти можно? Не судите строго...
Какая жизнь... Как бесконечен путь...
Но ваш талант, поверьте, не от Бога.
Вы глубоко сумели заглянуть
В людские души, в таинство стремлений,
В предчувствие конца и вечный мрак:
Они – не люди и не звери – тени,
Слепые тени ищут выход, так?

Как странно, право, черное на белом?
И в этом всё. Все грани и цвета,
И жизнь, и смерть... Безвыходно
И – смело!
И нет спасенья с плоскости листа...
Вы правы: жизнь проста и многосложна,
Добро и Зло едины и – равны.
Как различить: что истинно, что – ложно?
Молитвы, да пророческие сны
Отсрочат подведение итога.
Да, это трудно – быть самим собой...
Но, коль молитва не дошла до Бога,
То вдруг ее услышал тот – другой?
У вас ведь нет готового ответа,
Признайтесь: нет!

...Офортная игла,
Наметив контуры автопортрета,
Споткнувшись, на мгновенье замерла...
– Ведь вам в лицо хохочут все невежды!
Вам с целым миром оборвали нить!
...Но новый лист последнею надеждой
Ждет оттиска, как права – говорить.

Ахтырцы

Литавры и фанфары,
И шёлк штандартов – влет,
Ахтырские гусары,
Настал и ваш черед!
Подобраны поводья,
Опущены клинки,
И даже мысли, вроде,
Прозрачны и легки.
Не поведешь и усом
На пулю у виска,
Чтоб не назвали трусом
Ребята из полка.
И от кровавых пашен
Идя к пустым полям,
Подсчитываешь павших
По брошенным коням...
Герои и повесы
Осуждены уже
По крови на эфесах
И по любви в душе.

Баллада о мундирах

Погожий день в Париже.
И небо ярко-синее.
Наполеон повержен.
Окончена война.

Великий император,
Глава всея России,
Рассеянно, с моноклем,
Мечтает у окна.

Внизу идут парадом
Казацкие лошадки,
Владимирские пушки,
Смоленские полки,

Кричат: «Виват!» трехкратно,
И вверх бросают шапки,
Полощутся знамена,
Слепят глаза штыки.

На мостовой, качаясь,
Звонят почти как струны,
Окованных лафетов
Тяжелые зады.

И синие уланы, и красные драгуны,
Малиново-золотые гусарские ряды,
Один другого ярче!
И царь кивнул: «Похвально...»
А после государя чуть не хватил удар:
Со свистом, гамом, громом,
Проносится нахально
Крылатая колонна...
Коричневых гусар!

Коричневых?! О, боже!
Какая-то ошибка:
Подобный цвет мундиров
Не носят на Руси!

И с царских губ слетело
Подобие улыбки.
«Вернуть сюда тотчас же!
Вернуть и – допросить!»

Вернулись.
Доложились.
И честно рассказали,
Что были в партизанах,
Громя тылы врагов.

И в этой бурной жизни
Мундиры истрепались, –
Не уберечь костюма
Средь леса и снегов.

Искали матерьяла,
Чтобы пошить другие:
Ведь старые, ей-богу! –
Изорваны до дыр...

Все лавки до Парижа
Давно стоят пустые,
А тут попался как-то
Девичий монастырь.

Мундиры-то ни к черту,
А так хотелось новых!
Монашенки брыкались...
Но всё ж в конце концов

Всё то, что шло на рясы
Пятьсот невест Христовых,
Пошло на вицмундиры
Ахтырских молодцов!

И царь расхохотался:
«Потешили, мерзавцы!
Коричневые... чтоб вас!
С монашенками... ах!»

А снизу улыбался
На вороном красавце
Кудрявый подполковник
С чертятами в глазах.

«Врубель»

Подлунный мир, похожий на мираж...
Душа, как створки окон, – нараспашку.
Мне обжигает пальцы карандаш,
Закованный в кленовую рубашку.
Как бесконечно тянутся часы!
И как неясен тусклый смысл созвездий,
Как долог путь от млечной полосы
До лестницы в заплеванном подъезде...
И оттиски далеких черных дней
Стучат в висках холодной звонкой болью.
И в сердце кровь шалеющих коней,
Насыщенная порохом и солью...
Я больше не могу в таком огне
И пустоты, и недопониманья.
Но где-то там, в душе, на самом дне
Весь первобытный ужас мирозданья!
И вот тогда бессильны образа,
И каждый миг, словно столетье, длится.
И Демона хрустальная слеза,
Как жизнь моя, скользит, боясь разбиться.
Который век? Которое число?
Кто выдумал, что красота бессмертна?
Холодный воздух утра... Рассвело.
Короткий путь от вечности к мольберту...

Памяти Николая Гумилева

Господин офицер, вы еще не одеты?
Небо смотрит нахмуренно и свысока.
А вдали, в розоватых брабантских манжетах,
Облака, облака, облака, облака...

Господин офицер, что же вы загрустили?
Умирают не только герои в стихах.
Видно, Бог и судьба всё же вам отпустили
Три высоких креста на граненых штыках.

Господин офицер, это ясно и просто:
Революция, царь – кто там прав, кто не прав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.